

УДК 378.4(571.53)(091)

Воспоминания об учебе на историческом отделении Иркутского университета в 1955–1965 гг.

Л. Я. Подольская

*Иркутский юридический институт (филиал) Российской правовой академии
Министерства юстиции РФ, г. Иркутск*

Аннотация. В статье представлены мемуарные записки студентки, затем аспирантки исторического отделения ИГУ Л. Я. Подольской о времени обучения на факультете. Записки позволяют не только узнать основные факты истории факультета, но и представить общую атмосферу, характер взаимоотношений между преподавателями и студентами.

Ключевые слова: Иркутский университет, историко-филологический факультет, студенты, преподаватели, учеба, наука, самодеятельность.

Иркутяне всегда высоко ценили выпускников Иргосуна – так назывался университет в первые десятилетия его существования. Когда после окончания мною средней школы решался вопрос о том, где учиться дальше, решение было принято быстро и однозначно – нужно держать конкурсный экзамен в университете. В июле 1955 г. я впервые вошла в здание Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова. Собиралась я поступать на юридический, хотя дома было решено, что продолжу традицию мамы, закончивший истфак пединститута. Меня переубедил декан юрфака, внимание которого привлекла моя детскость, и он, выяснив, что по окончании я хочу быть или следователем или прокурором, объяснил, что после окончания по малолетству смогу быть только нотариусом, т. е., по моему мнению, сидеть с бумажками. И тогда я подала заявление на историческое отделение историко-филологического факультета. Решение принято, впереди вступительные экзамены, их было пять – сочинение, русский устный и литература, история СССР, география и иностранный (английский) язык. Набирали на отделение всего 25 человек, трое из нас набрали 19 баллов (Л. Любимов, Л. Кутузова и я). Проходными были 17 баллов, 16 – выборочный. Набрали нас почти 30 человек, пятеро были кандидатами, трое закрепились в группе и заканчивали уже полноправными студентами. В период обучения к нам добавляли переводников или отставших. Из них запомнились Оля Лебедева, переведшаяся из МГУ и ставшая блестящей школьной учительницей, и Володя Яровой, выдающийся конькобежец и красавец, пришедший к нам из пединститута и выросший до доктора исторических наук, профессора кафедры всеобщей истории.

Вступительные экзамены были самыми трудными. Помню, что в день, когда должны были сдавать сочинение, был сильнейший ливень, я промокла

насквозь. Перед входом в экзаменационную аудиторию я набила мокрый зонтик гармошками подготовленных мной сочинений. Оказалось, что несколько готовых сочинений подходили к заданным, но духу достать их не было. Я попросилась выйти и выбросила все шпаргалки в урну. Вернувшись к месту, с удовольствием начала писать сочинение о Николае Островском. Получила за него «4» и была счастлива. Запомнился еще экзамен по истории СССР, собственно, один из вопросов – городские восстания XVII в. Почему-то вечером перед экзаменом я прочла брошюрку из маминой коллекции об этих событиях, и вот так мне повезло. Когда я была уже студенткой, И. И. Кузнецов мне как-то сказал, что я удивила его ответом именно на этот вопрос, и это все решило: мне был поставлен высший балл. Остальные экзамены пролетели, и вот итоговый балл – 19 и заслуженное право стать студенткой. Но нас ждало собеседование. Им руководила Л. Т. Юшина, тогда она была зам. декана, впоследствии долгие годы возглавляла факультет. Разговор был суровым и почему-то обвинительным и недоброжелательным, виной были мои тройки по математике в аттестате. Мой лепет о том, что я гуманитарий, не учитывался, а оценки на экзамене поставлены под вопрос, и мне было сказано, что только ударный труд в колхозе «Заахал» позволит мне перейти из абитуриентов в студенты. Так на две недели будущие филологи, историки и бурят-монгольское отделение оказались в колхозе. Жили в каком-то огромном хозяйственном помещении, спали на соломе и работали, то сгребая сено, то собирая огурцы и турнепс. Несколько дней мы работали на заготовке силоса, это был самый разгар хрущевской политики «Большой кукурузы». Мы прыгали в силосные глубокие бетонные башни, нам сбрасывали вилы, а затем на наши головы сыпали размолотую кукурузу. Она была мокрой, мы разбрасывали ее по краям башни, перерывы зависели от того, как часто подъезжали машины. Мы были мокрыми, но было весело. К обеду мы выбирались из башен, быстро съедали нехитрую пищу, слегка подсушивались, а потом снова вниз, в мокрую толчею. Те девчата, у кого были сапоги, легче переносили мокроту, а вот нам, городским, в сандалиях и тапочках было тяжело. Когда солнце садилось, мы заканчивали работу, сколько часов мы работали, мы не интересовались. Надо, так надо. А вот после ужина мы еще танцевали, и возвращаться спать очень не хотелось. Меня кавалеры не баловали, но я без устали танцевала с девчонками. Однажды меня пригласил на танец невысокий кудрявый паренек в шотландке. Мы молча и не очень ловко танцевали. Это был последний танец, и кавалер пошел провожать меня. Мы шли по разным сторонам дороги, так и не перемолвились ни одним словом. Больше мы с ним не только не танцевали, но и старательно отводили глаза друг от друга при встрече. Только в университете я узнала его имя – Саша Вампилов. В колхозе мы подружились, разучили множество песен, которые пели студенты, и поверили в то, что мы – взрослые и настоящие студенты.

Первого сентября с тетрадями и ручками мы прибыли на занятия. Историков первого курса собрали в нашей главной и единственной аудитории, принадлежавшей историкам, здесь размещались обе наши кафедры, читались лекции и поводились практические занятия, работали научные кружки. Это

была наша родная 72-я аудитория. Раздался звонок, и на кафедре поднялся красивый человек, который очень коротко рассказал о нашей будущей профессии. Слушали мы его, затаив дыхание, а когда он закончил, то нам сообщили, что завтра утром мы должны собраться на железнодорожном вокзале и специальным поездом мы выедем в Аларский район для оказания помощи колхозникам в уборке урожая. Командировка ожидается примерно на месяц, но все зависит от нашего трудолюбия. Побежали собираться в дорогу. Утром мы собрались на вокзале, точного времени отправки никто не знал, шумным табором мы оккупировали вокзал, шумели, пели, уничтожали припасы. Наконец, состав был подан, мы штурмом по факультетам занимали вагоны, песни зазвучали веселее, мы поехали в трудовую жизнь. Затем нас разместили в грузовых машинах. Наша группа попала в село Нельхай. На берегу Ангары были расположены огромные склады, в которые свозили зерно нового урожая. Вот в этих складах нам и пришлось работать. Работа была тяжелая, причем работали мы по 10–12 часов в дневную или ночную смену. Жили мы вместе со ссыльными литовцами, спали на голом полу и были одинаково недовольны друг другом. Но вот однажды нам сказали, что в ночь мы будем грузить зерном баржу. Почему-то нас это очень вдохновило. Мы пришли на берег Ангары к барже, по трапу поднялись на борт. Затем началась работа. За всю свою жизнь в более тяжелые условия я больше не попадала. Пока подают зерно, нужно разбрасывать его предельно быстро, чтобы не допустить обрыва желоба. Тяжело, пыльно, темно, жарко, короткая передышка, и снова все повторяется. Мы закончили работу на рассвете, нам объявили, что мы можем идти отдыхать. Ноги гудели и почти не двигались. Но было и еще одно испытание. Баржа, получая груз, дальше отходила от берега, и когда мы вышли на палубу, то увидели, что трап отошел от берега, и часть пути мы должны были пройти по воде. Трап не имел поручней, и мы, девчонки, почти ползком преодолели этот путь, ребята нам пытались помочь, но и их силы были на исходе. В этот же день всех девчонок нашей группы отправили в колхоз на копку картошки. Жили мы в бурятских семьях на полу, оказалось, что в семье, где мы жили, все дети были хронически больны туберкулезом, мы тесно общались друг с другом, питались вместе. О том, что это было не безопасно, мы узнали, только приехав в Иркутск, так как нас всех отправили на проверку в тубдиспансер. К счастью, все мы оказались здоровы. Опасность выяснилась лишь тогда, когда к нам приехал кто-то из преподавателей и потом доложил, в каких условиях мы жили.

Колхозные работы, всевозможные субботники, участие в уборке города сопровождали наши студенческие годы. Хорошо помнится наше участие в разборке книжных хранений фундаментальной библиотеки. Было принято решение о сносе помещений, которые входили в большой ансамбль Белого дома. Разрушение уникального дворцового ансамбля не обогатило город. Разбирая хранилище, мы впервые своими глазами увидели, какие сокровища хранит наша библиотека. Видели мы и то, как исчезли в частных руках некоторые из книг, но не сразу поняли это и не смогли приостановить грабеж.

Процесс обучения на первом курсе открыли для нас корифеи. Мы начали изучать историю Древнего Востока под руководством тогда кандидата, а по-

том доктора исторических наук и профессора Сергея Владимировича Шостаковича. Этого человека хорошо знали иркутяне. Старшие студенты нам рассказали, что он – потомок польского ссыльного 1863 г. и двоюродный брат известного советского композитора Д. Шостаковича. Красиво и стильно одетый, он свободно повествовал нам о шумерах, Вавилоне. А как блестяще он пользовался доской: мелким, но хорошо читаемым почерком он записывал сложные и непонятные первокурсникам понятия, ставил ударение, чтобы мы могли правильно произносить их! К концу лекции вся видимая часть доски была исписана, причем по этим записям четко можно было восстановить все важнейшие положения лекции. Довольно часто С. В. Шостакович приносил редкие книги, демонстрируя их нам, называл или показывал новые исследования или только что вышедшие исторические романы. Замирая, мы слушали об его исследованиях, посвященных А. Грибоедову. На нас произвел огромное впечатление тот факт, что наш педагог работал еще и на юридическом факультете и имеет ученую степень кандидата юридических наук. Еще одним потрясением стали его тренировки по неизвестному тогда широко теннису. Когда он, облаченный в светлый костюм, парил над кортом, замирали в восторге не только университетские студенты, но и прохожие, спешившие по своим делам по Большой (ул. К. Маркса). Сергей Владимирович был очень внимателен к нам, когда мы занимались в научной библиотеке. Он часто подходил к нам и просил показать или наши листы книжных заказов, или, с разрешения, осматривал полученные нами книги.

Историей Средних веков, новейшей историей Востока мы занимались под его руководством. Когда на выпускном курсе мы приступили к изучению проблем современного Востока, учебной, да и исследовательской литературы практически не было. Он предложил разделиться на группы и вместе собирать материалы, а затем защищать рефераты по избранной стране. В результате он предложил лучшие рефераты и собранный материал передать на кафедру. Те, кому он предложил передать наши исследования в фонд кафедры, получили отличные оценки и испытывали чувство гордости за проделанную работу и их оценку. С. В. Шостакович внимательно следил за организацией и проведением педагогической практики. Он бывал на наших уроках, доброжелательно участвовал в их обсуждении. Большой удачей было писать дипломную работу под его руководством, потому что это было признание зрелости и самостоятельности соискателя. Он утверждал план дипломной, список литературы, а затем подписывал отзыв и рекомендовал к защите. А вот во время защиты он защищал своего дипломника активно и даже агрессивно.

С обаянием личности Сергея Владимировича связано еще и увлечение многих студентов концертами в филармонии. На экзамене он мог вдруг спросить, почему ты не был на последнем концерте, или какую книгу прочел, или собираешься, при этом он спрашивал содержание. Иногда студенты пытались пустить пыль в глаза, но его позорно разоблачали, к таким приемам больше не прибегали. С. В. Шостакович воспитывал студентов как ученых, лектор, педагог, образованный человек. Большую часть свободного от лекций и семинаров времени большинство студентов проводили в «фундочке» – так многие поко-

ления любовно называли нашу научную библиотеку – Белый дом. Интересны, познавательны были и здесь встречи с нашими педагогами. Одни церемонно раскланивались с нами, скрываясь в зале для научных работников, другие заводили с нами короткие, одобряющие беседы, поддерживающие наше рвение к знаниям. По-особенному относился к читателям–студентам Сергей Владимирович. Он, если располагал временем, выяснял, над чем мы работаем, каких авторов используем в подготовке, рассматриваем ли мы данную работу как временную или как фундаментальную задачу на будущее. Иногда он спрашивал разрешения познакомиться с выпиской и просил студента заинтересовавшую книгу временно перенести в его заказ. Сердечно благодарил за это студента и библиотекаря.

Федор Александрович Кудрявцев читал нам историю Сибири и историю южных и западных славян. Он вел и семинар по истории архивного дела. Он учил нас вести работу среди населения, приучая и научая будущих историков любить свою малую родину, уметь собирать и хранить памятные книги, листы, редкую переписку известных сибиряков. На первом курсе он объявил, что проведет для нас экскурсию по Иркутску. Я сначала решила не идти на нее. Спасибо маме, которая разъяснила зазнавшейся девчонке, что нас поведет по городу человек, лучше которого город никто не знает. Был холодный осенний день, нас собралось меньше 10 человек (помню, это были Л. Любимов, Л. Кутузова, Г. Тунгуев, Э. Дубинина, я и еще несколько человек). И повел нас Федор Александрович, как по своему дому, по любимым улицам. Столько нового узнали мы в этом походе! Но особенно вспоминается его рассказ об А. П. Щапове, его жене Ольге, о том, что при жизни они часто приходили на Иерусалимскую гору и подолгу любовались городом, и что Щапов задолго до кончины завещал похоронить его здесь, на кладбище для бедняков. Мы впервые услышали, что даже прощание и похороны первого сибирского историка достойно провести в те дни было невозможно. Экскурсия произвела огромное впечатление, и все ее участники стали активными членами научных студенческих кружков. На первом курсе я работала под руководством Ф. А. Кудрявцева. Тема моей работы – «История улицы Большой Трапезниковской (ныне ул. Желябова)». Выбор был не случаен, я родилась и выросла на этой улице в доме № 9, и в нашем дворе и в соседних было много старожилов, которые охотно вспоминали о прошлом, особенно о пожаре 1879 г. Большинство домов на этой улице были построены на пепелище. Удалось установить имена многих людей, которые поселялись в этих домах, которые новые хозяева скупали в соседних селах, срубамы привозили и возводили временное жилье, сдавая потом в наем погорельцам. В нашем дворе было две такие избы, в которых люди жили до сноса в 1971 г. Возведя временное жилье, хозяева земельных участков принялись за возведение добротных деревянных домов, часто двухэтажных, с мезонинами. Хозяин нашего дома задумал двухквартирный двухэтажный дом, но сил хватило только на первый этаж. Улица выкладывалась булыжником, тротуары были деревянными. Городские власти требовали, чтобы между домами устанавливали специальные стены из желтого камня (брандмауэры) – спасение от распространения огня. Улица была зеленой, хозяев обя-

зали высадить на ней тополя, некоторые из этих гигантов все еще украшают улицу. Федор Александрович дал много рекомендаций по продолжению этой работы. Считаю, что этот долг перед учителем я все-таки должна выполнить.

Первый поход в исторический архив, который объявил Ф. А. Кудрявцев, мы восприняли как новый вариант экскурсии. Но нас ждала почти неподъемная работа. Перед нами разложены толстенные книги в кожаных переплетах, тексты были украшены кинovarью. Нам было предложено перевести на русский тексты, написанные на древнерусском. Мы изучали этот предмет на первом курсе, но подлинники привели нас в ужас. Конечно, отдельные буквы мы различили, даже узнали титул (сокращение), но осилить перевод никто из нас не сумел. Потом Федор Александрович долго, подробно и очень интересно рассказывал об архивах, хранящихся в них ценностях, показывал их нам. начал свою профессиональную работу в иркутском архиве и знал досконально его ценности. Большой вклад он внес в создание, накопление документальной базы, публикацию и изучение ценностей также и бурятского архива. Спустя годы Кудрявцев предпринял усилия для розыска, восстановления и введения в научный оборот дневника, рукописей статей и переписки с известными общественными деятелями В. И. Вагина, деятельность которого стала темой моей кандидатской диссертации. Эта предварительная работа моего учителя значительно облегчила и мою собственную работу.

Федор Александрович был одним из преподавателей, который стремился познакомить нас со студенческими традициями. Он разучивал с нами старинные тексты. Желающие разных с курсов собирались в какой-нибудь аудитории, и Феденька (так любовно мы звали его между собой) диктовал студенческие песни, напевал мотив, а потом мы радостно и громко подхватывали их. Благодаря ему постаревшие выпускники истфака с удовольствием распевают эти песни («Выпьем мы за тех, кто “Что делать” писал, за героев его и за их идеал»; «Пошел купаться Уверлей...»); «Через тумбу, тумбу-раз, через тумбу, тумбу-два – спотыкаемся и в участках часто-часто просыпаемся»; еще разучивали молитву послушников, очень аполитичную).

Мы бережно относились к нашему учителю, его потерям, болезням, подступающей старости. Так, в нашей очень требовательной группе он, читая историю Сибири и историю южных и западных славян, иногда забывал, какой предмет должен читать, поэтому случалось, что в первый час у нас была история Сибири, а на втором – славяне. Мы нашли хороший способ: первая половина тетради была посвящена истории Сибири, а вторая – славянам, и никто не напомнил любимому преподавателю о его просчетах.

Бережно готовил Кудрявцев будущую смену состава кафедры. Обычно он предлагал выпускнику обучение в аспирантуре. Он очень переживал за то, как пройдет экзамен, вступительный или кандидатский. После удачи он угощал конфетами, ведь и сам был сладкоежкой.

Была еще одна страсть у нашего профессора – он был увлечен хоккеем с мячом. В лютый мороз он притопывал ногами, потирал руки и уши, но отстаивал матч до конца. Как же счастлив он был, если побеждали иркутяне, ну а если было поражение, то эта беда была написана на его лице. Именно по-

этому на один из его юбилеев преподаватели и аспиранты подарили Федору Александровичу цветной телевизор, чтобы он «болел за хоккей в теплой квартире». Многие историки Прибайкалья, Бурятии, Приморья защитили кандидатские и докторские диссертации под его руководством или пользуясь его мудрыми консультациями. Кудрявцев обладал широким научным диапазоном, владел редким искусством постановки проблемы исследования и был терпим, если исследователь в своих выводах отвергал его решение или подвергал суровой критике. Это не останавливало научного руководителя в рекомендации соискателя к защите диссертационного исследования.

Семинарские занятия по истории СССР вела у нас Елена Марковна Даревская. Строгая, суховатая, говорившая размеренно и тихо. Она рассказала нам, что она москвичка, после школы поступила на исторический факультет, в семинар знаменитого историка Древней Руси Грекова. Начавшаяся война вынудила их семью выехать в Иркутск, где она восстановилась и окончила историческое отделение, где и была оставлена ассистентом кафедры истории СССР. Одновременно она читала историю государства и права СССР на юридическом факультете. Весь первый семестр мы изучали различные редакции «Русской Правды». Автор этих строк возненавидел этот памятник, а когда Елена Марковна добавляла, что ее учитель повторял, что «Русская Правда – гимнастика для ума», хотелось убежать куда ни глядя. Первокурсница, я тогда не понимала, что нам преподаются классические приемы научной критики источника. Наше дальнейшее обучение не предусматривало по программе такой дисциплины, как источниковедение, и мы его медленно осваивали с каждым научным руководителем. Первые азы источниковедения, безусловно, привила нам Елена Марковна. Во втором семестре под руководством Даревской мы стали осваивать написание и защиту научных докладов, она приучала нас к ведению научных дискуссий, сурово отучала от товарищеских комплиментарных оценок. На старших курсах Елена Марковна читала нам курс по русскому империализму и вела удивительно интересный и трудный семинар по истории русского романа. Программа курса была очень широкой. Руководитель включила в список многих запрещенных тогда авторов. Помню, что в списке были Д. Мережковский, З. Гиппиус и др. Это было очень интересно и трудно, дискуссии развертывались над каждым докладом, с какой горячностью мы обнаруживали у литераторов ошибки, неточности, а то и прямое искажение события.

Елена Марковна прожила долгую, одинокую жизнь, она почти потеряла зрение, но продолжала работать. Благодаря помощи В. В. Свинина увидела свет ее работа о Монголии. Большая помощь ей в завершении книги о декабристах (в то время ей было уже за 90) была оказана Е. А. Ячменевым и Н. Е. Единарховой.

На первом курсе нам читались еще история первобытного общества и археология. Вел этот курс доц. П. П. Хороших. Археология камня как-то не увлекла меня. Зато второкурсники «заболели» исследованиями знаменитой Усть-Белой. Позже мы узнали, что в то лето руководили раскопками А. П. Окладников и М. М. Герасимов. Спустя годы в археологическую науку

придут Г. Медведев, В. Свинин, М. Аксенов, Г. Зайцева. Иркутск стал крупным центром археологических исследований.

Нам преподавали латинский язык. Рассказывали, что наш преподаватель ранее был известным дьяконом одной из церквей и что иркутяне ходили специально тогда, когда он участвовал в богослужении. Он был уже стареньким человеком, но голосом обладал таким, что в маленькой аудитории, где мы занимались, гремели самые грозные летние грозы. Он «покусывал» нас, что мы учим предмет всего семестр, а бедные гимназисты тратили на это годы и не всегда получали положительные оценки. Мы с трудом заучивали правила, слова и памятные изречения, и все, как один, получили зачеты.

Еще одним событием обучения являлось то, что нам читал лекции престарелый Одинцов, который читал сразу двум курсам логику. Особенностью этого было еще и то, что печатных учебников по предмету не было. Лектор был стар, немощен, его почти не было слышно, мы окружали его плотной толпой, договорившись, что потом будем сравнивать записанное и дополнять. Но самым трудным оказалось сдать ему экзамен. Один из шутников, видя, что лектор дремлет, несколько минут помолчал, а потом громко заявил, что ответ закончил и услышал, что преподаватель устал ждать начало ответа. Представьте, как мы дальше отвечали, а он иногда просил отвечавшего не кричать, так как он все хорошо слышит. Позже мы узнали, что это был известный философ, отец известного сибирского геолога. Нам пришлось еще раз встретить этого выдающегося человека. Моему однокурснику Николаю Грудинину и мне предложили принять участие в театрализованном поздравлении с пятидесятилетием философа Льва Александровича Романова. Нас обрядили в русские народные костюмы, снабдили булкой на подносе и усадили в уголок. Шел ученый совет, не все речи были понятны, но вот на сцене появился знаменитый старик Одинцов и начал с поздравления юбиляра, а затем обрушил на слушателей целый трактат о непорочном зачатии девы Марии, в зале оживились, только я ничего не понимала. И вдруг нас вызвали на сцену. Николай произнес положенную речь, я же обязана была вручить каравай. Вручение состоялось, вдруг юбиляр решил расцеловать меня в благодарность. Я не была готова к такому обряду, вырвалась и прыгнула со сцены в зал под оглушительный хохот присутствующих. Все годы Л. А. Романов выделял меня среди студентов, а когда читал нам историю философии, то прежде, чем поприветствовать всех слушателей, он обязательно говорил: «Здравствуйте, Лорочка». Все обменивались привычной улыбкой, и начиналась лекция. С удовольствием вспоминаю, что при всем расположении ко мне он был требователен и строг, когда я сдавала курсовой и кандидатский экзамены.

Второй курс начался как обычно – колхозными работами в Аларском районе. Мы копали картошку и турнепс, сгребали сено, ремонтировали овощехранилища, обрабатывали зерно и, как грузчики, ездили сдавать его государству. Было трудно, голодно, но печеной картошки было сколько угодно, жили мы весело, много пели, умудрялись после тяжелой работы сбегать в соседнее село на танцы. Наши мальчики никогда не отпускали нас на танцы одних, сначала ворчали. А потом пускались в пляс и с песнями под утро воз-

вращались в свое село, валились на солому и, как оловянные солдатики, по команде «подъем» вскакивали, завтракали и под песню на лошади или пешком отправлялись на работу. Очень ждали, когда же за нами придет поезд. Наконец мы снова видели красивейшее здание вокзала. Наш поезд подавали на первый путь, и через несколько минут привокзальная площадь пустела. Кого-то развозили трамваи и автобусы, а большинство, в том числе и я, короткими перебежками перебежали единственный мост, улицу Чкалова, площадь Кирова, вот и родная Желябова, где ждут и любят.

Последующие годы были заполнены новыми предметами и новыми для нас педагогами. Мы приступили к изучению истории Средневековья европейского и Востока. Новую историю у нас читал Григорий Семенович Мальцев, человек очень добрый, щедро делившийся с нами книжными новинками. Он приучал нас к регулярному чтению исторических журналов. Был он очень снисходителен к нашим скромным знаниям и часто добавлял, что то, что мы сейчас не знаем жизнь, позже заставит выучить, но сделать это будет труднее, чем в студенческие годы. Появились у нас в программе специальные курсы. Так, историю сибирской золотопромышленности нам читала Н. Д. Овсянникова, историю рабочего движения и образование СССР – А. А. Мухин, Гражданскую войну в Сибири и становление советской власти – В. Т. Агалаков. Так как мы были частью филологического факультета, нам читались большие курсы по истории литературы (античная литература, средневековая, русская и советская литература). На втором курсе мы начали работать в семинаре о декабристах, которым руководил С. Ф. Коваль. Мы знали, что у него есть первая публикация на базе его дипломной о В. Ф. Раевском. Студенческая молва подготовила нас к встрече с самым жестким преподавателем. Он был требователен, откровенен в оценках, умел создать дискуссионное обсуждение. Часто не соглашался с нашими выводами, добивался, чтобы доказательства основывались на глубоком знании и понимании источников. Некоторые участники декабристских семинаров продолжают заниматься этой проблемой как научной, а большинство продолжают работать в школьных кружках, заражая своей любовью к «первенцам свободы» уже своих учеников. Результаты их работ каждый декабрь звучат на молодежных конференциях, посвященных памяти нашего учителя, в Музее декабристов.

Много наших сил уходило на изучение истории партии, философии. Л. Г. Пуховская блистательно читала нам историю мирового художественного искусства. Именно она приучила нас к посещению художественного музея и многочисленных выставок. Специальный курс по истории русской культуры нам читала Н. Д. Овсянникова. Были у нас еще два удивительных курса. Один из них был посвящен Великой Отечественной войне, его нам читал И. И. Кузнецов. Интересно, что он одновременно работал над кандидатской, а затем докторской диссертацией. Примерно на третьем курсе мы стали свидетелями защит кандидатских диссертаций, доступ был свободный, и мы ходили слушать, как защищаются не только гуманитарии, но и физики, химики, биологи. Перед старшекурсниками выступали с лекциями и были руководителями дипломных сочинений ставшие известными в будущем историки:

А. В. Дулов, В. Г. Тюкавкин и набиравший тогда силу А. С. Кузнецов. У нас никогда не было панибратских отношений с педагогами, но они всегда поощряли наш интерес к науке.

В университете была хорошая самодеятельность. Драматическим кружком руководили Козачок и популярнейший тогда в Иркутске актер Венгер. Художественным словом со студентами занимался А. И. Руккек. Славился наш хореографический коллектив, где ставились даже такие сложные постановки, как «Вальпургиева ночь» и половецкие пляски из оперы «Князь Игорь». Коллективом руководил Громов. Были веселые и интересные вечера, действовал каждую субботу студенческий клуб – самодеятельная организация. Возникла традиция всем вместе встречать Новый год.

Для студентов 4-го курса на нашем отделении была предусмотрена музейная практика в Москве и Ленинграде с посещением легендарных музеев. Мы об этом узнали из отчета пятикурсников о поездке. Так случилось, что мы «заболели» этой идеей. Университет оплачивал студентам проезд в общем вагоне, место в общежитии и право на посещение бесплатно одного из музеев. Курс, готовящийся к такой поездке, обычно начинал собирать средства накануне поездки. Мы не стали ждать так долго и приступили к сбору средств заранее. Сначала мы отмывали после ремонтов или стройки полы и окна, вытаскивали мусор. Работа была тяжелой, а денег почти не платили. Но в нашей группе были два «великих комбинатора» – М. Гогидитдзе и О. Сомов, которые разработали групповую программу зарабатывания средств и с блеском добились полного успеха. Каждую субботу мы снимали под танцы такие площадки, как ТЮЗ или Музкомедия, нанимали лучший в городе оркестр, устраивали импровизированные концерты и лотереи. По городу выставлялись специальные рекламы, которые каждый раз писал для нас муж нашей однокурсницы Л. Суворовой. Билеты не были дорогими, но лучшей площадки в городе не было, вся «золотая молодежь» была нашей. Группа работала очень напряженно. Ведь мы не только договаривались о помещении, но и распространяли билеты, обслуживали гардероб, убирали помещение после танцев. Зарботки были хорошие, мы складывали их на общую сберкнижку. Интересно, что за три года такой бурной деятельности нами не заинтересовались финансовые органы. Денег нам хватило на поездку, все музеи и театры мы посещали за счет заработанных средств, посетили даже все пригороды Ленинграда. В Москве программа у нас оказалась скромнее, большинство средств ушло на Ленинград. Потом была торжественная конференция – зачет по итогам нашей практики, она произвела большое впечатление не только на студентов, но в особенности на преподавателей. Размах нашей практики потряс, а у нас он остался на всю жизнь важной вехой.

Вспоминая студенческие годы, поражаешься, как много успел сделать в эти годы и как многое по молодости упустил, посчитал тогда ненужным, а потом жалел об упущенном.

Recollection of the Studies at Historical Department of Irkutsk State University in 1955–1965s

L. Ya. Podolskaya

Irkutsk Law Institute affiliated to the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Irkutsk

Abstract. The article deals with the memoirs of the studies at Historical Department of Irkutsk State University written by L. Ya. Podolskaya, a student, further a postgraduate student of Historical Department of the university. The memoirs reveal main facts of the history of the Faculty, as well as the ambience and the nature of the relationship between teachers and students.

Keywords: Irkutsk University, Faculty of History and Philology, students, teachers, education, science, amateur.

Подольская Лариса Яковлевна

*кандидат исторических наук, доцент,
кафедра теории и истории государства
и права*

*Иркутский юридический институт
(филиал) Российской правовой академии
Министерства юстиции РФ
664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4
тел.: 8(3952)20-05-61
e-mail: ibrla@inbox.ru*

Podolskaya Larisa Yakovlevna

*Candidate of Sciences (History),
Associate Professor, Department of Theory
and History of State and Law*

*Irkutsk Law Institute affiliated to the
Russian Law Academy of the Ministry
of Justice of the Russian Federation
4, Nekrasov st., Irkutsk, 664011
tel.: 8(3952)20-05-61
e-mail: ibrla@inbox.ru*